

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ

Все формы существования человеческих знаний связаны с таким образованием ментальной психики как «сенсорное пространство». Его единицами являются чувственные впечатления, прошедшие путь становления и развития социального языка. Унаследовав от животного мира язык биотических сигналов, древние люди изобрели общественные знаки, ядром которых стало слово (речь). Как полагал Э. Кассирер, возник посредник между системами рецепторов и эффекторов, позволивший человеку задерживать свои ответы на вызовы внешней реальности. Если язык животных полностью интегрирован в работу органов чувств, ориентированных вовне, то социальный язык дал возможность конституироваться внутренней жизни, т. е. сознанию. Сохранив выразительную и сигнальную роли, новые знаки породили дескриптивную функцию, когда возможную ситуацию можно описывать без привлечения актуальных стимульных впечатлений извне. Такая репрезентация выключает органы чувств из внешней деятельности и превращает их в экран, который рассматривается изнутри [1, с. 174–178]. Если у животных чувственность работает только как прозрачное стекло, через которое видна внешняя среда, то ментальная чувственность человека действует гибче, демонстрируя возможности двух режимов — «прозрачного» и «непрозрачного». В последнем случае вербальные и невербальные знаки, подобно амальгаме зеркала блокируют хаотический поток внешних стимулов, позволяя представлять искусственные «предметы»: рисунки, тексты, чертежи и т. п.

Необходимость функционирования ментальной психики в режиме непрозрачного экрана была обусловлена культурной стратегией человека. Становление культуры строится на познании возможностей, скрытых в закономерных глубинах природы, и на соответствующих реализациях. Для такого творчества стимульные воздействия непосредственной среды чаще всего выступают помехой. Вот почему у сенсорной чувственности стала доминировать двойная роль: а) перекрывать поток извне и б) представлять внутреннее пространство для создания разнообразных знаков. Последняя функция в силу своей позитивности сложна и реализуется в совместной связи ментальной психики и интеллекта.

Семиотика доказала, что любой знак возможен лишь на основе некоторого предмета. Если последний попадает в зону действия нашей чувственности, то лишь тогда реализуется знаковая функция. В качестве носителя знаков выступает многообразие произведений культуры, начиная с бытовых предметов и кончая шедеврами искусства. Здесь открывает перспективу понимания мысль М. К. Мамардашвили о взаимосвязи внешнего и внутреннего пространства. Любой предмет культуры являет собой единицу внешнего пространства, ибо в нем сосуществуют характеристики физического и социального пространства. Если взять лист бумаги, то он имеет все размерности протяженности и, являясь продуктом особого производства, обладает потребительскими качествами товара. Если мы

касаемся его руками, то для нас он становится чувственным знаком, несущим для интеллекта то простое значение, что имеется бумажный лист, тающий в себе ряд деловых возможностей (написать, нарисовать, скомкать, сделать «птичку» и т. п.). Но вот мы начертили на нем треугольник, увиденный рисунок стал чувственным знаком и с ним сопряжено уже относительно сложное значение, понятное для интеллекта, прошедшего курс школьной геометрии.

Уже этот нехитрый пример показывает сцепление внешнего и внутреннего пространства. Если мы вступаем в чувственный контакт с материальным телом, то в ментальной психике оно оборачивается впечатлениями, с которыми уже может иметь дело интеллект. Сенсорные модальности становятся репрезентациями, переводящими внешний объект во внутренний план сознания. С этим внутренним предметом имеет дело разум, он превращает его в знаковую конструкцию, наделяя ее рациональным значением. Пространство чувственного экрана таит в себе бесконечный спектр возможных предметов, на это уже намекает творчество на листке бумаги. А если мы имеем дело с более сложной техникой типа кино, телевидения, компьютера и т. п.? Современные виды социального языка открывают захватывающие перспективы и в основе всего лежит эффект чувственного представления (репрезентации).

Сенсорное пространство выступает посредником между внешней реальностью и интеллектом. При этом действительность здесь фигурирует не только единичными фактами-событиями, а, главным образом, теми возможными связями, которые разрешены объективными законами. Вся человеческая культура ориентирована на открытие таких потенций. Вот почему конституирование языковых форм является совместным творчеством ментальной психики и интеллекта. Сенсорное пространство всегда предполагает сопряжение с определенными знаниями, ибо полноценная информация образуется сочетаниями чувственных знаков и интеллектуальных значений. Такой союз стал очевиден задолго до современной семиотики. О нем писали Платон и Аристотель, указывали средневековые мыслители, находя аргументы в философской теории познания. Психологический ракурс попытался определить Ф. Brentano. Он признал, что всякий психический акт сопровождается соответствующим ему актом сознания. Обязательным признаком первого является то, что он чувственно представляет внешний предмет и вызывает эмоции удовольствия/неудовольствия. Акт же сознания реализует познание и несет в себе знание предмета. Между актом психической репрезентации и познавательным актом устанавливается связь сопровождения [2, с. 77–83].

Соотношению между чувственными данными и актами сознания уделил особое внимание Э. Гуссерль. К ясным выводам, по его мнению, можно прийти только в ходе феноменологических процедур. После того, как мы «вынесем внешний мир за скобки» внимания и перенесем его фокус на чистую деятельность сознания, мы поймем, что поток переживаний, инициированный извне, сам по себе представляет сырой и предварительный материал. На него направляется особая активность сознания («ноэза»), в ходе которой переживания «наделяются смыслом» и конституируются во внутренний предмет («ноэму»). Многообразие ноэм дает спектр различных ментальных представлений или внутренних объектов в форме ощущений и восприятий [3, с. 123–125, 200–203]. С этими предметами в

дальнейшем имеет дело уже мышление. Сравнение позиций Brentano и Husserl указывает на их существенное различие. Если у первого в связи чувственности и интеллекта фигурирует пассивное «сопровождение», то у второго акцент сделан на активности разума, который наделяет переживания смыслом. Эта кантианская в сути стратегия господствует в современных теориях сознания.

Роли ментальной психики и интеллекта неравноценны. Если участие последнего активно, то первая исполняет функцию пассивной и претерпевающей инстанции. Сенсорные впечатления изначально выступают сырьевым материалом, который организуется под воздействием когнитивных образований. И в дальнейшем, когда уже образовались продукты, сочетающие чувственность и знания, они становятся предметом для новых изменений со стороны еще более мощных средств разума. То, что ментальная психика в основном остается областью разнообразных внутренних предметов, тем чувственным экраном, на котором меняются объекты приложения интеллектуальных орудий, делает ее ключевым пространством сознания. Хотя двойственность книжного текста или чертежа как интеллектуального пространства очевидна, собственно пространством остается чувственное поле ментальной психики. Именно в местах его модальностей тянутся цепочки букв (или иероглифов), выстраиваются графические фигуры, проецируются разнообразные образы. В творении всего этого многообразия изначально участвует интеллект, но лишь через чувственные знаки он может явить свою телесность и обозначить ходы мысли.

Образ и слово: два вида единого сенсорно-языкового пространства. Различие чувственных впечатлений и слов очевидно, оно учитывалось древними и последующими мыслителями. Систематическое введение их в единые рамки начали пионеры семиотики (Ч. С. Пирс и др.). Здесь объединение шло на основе универсальности знака, образы распределились как по группе иконических знаков, так и по другим группам. Зоопсихологи также были вынуждены расширять понимание языка и трактовать образы в качестве низшей биотической системы коммуникации. Работы по программе искусственного интеллекта способствовали конституированию дуализма образа и слова. Соответственно, все это вылилось в создание различных концепций. Е. Холенштейн в 1968 году предложил два этапа развития семиозиса в онтогенезе человека: чувственно-образная знаковость и предикативно-вербальная символизация. Ребенок начинает объективацию опыта с чувственных образов, а затем его сознание овладевает словесной репрезентацией. Последующие авторы отказались от генетического подхода и стали обосновывать взаимную дополнительность двух форм. Л. М. Веккер оценил взаимодействие образных (конфигуративных) и символическо-языковых средств внутренней структурой динамики мыслительного процесса [4, с. 132]. Когда А. Пайвио в 1986 году заявил о двух основных системах ментальной репрезентации: образной и вербальной, то это уже было скорее констатацией сложившейся традиции, чем каким-то открытием.

С точки зрения семиотики образы и слова едины своей чувственной знаковостью: и то, и другое нужно видеть, слышать, чувствовать, т. е. все это существует в сенсорном пространстве. Их также объединяет искусственный характер культуры, подавляющая часть образов современного человека является сделанными ар-

тефактами (рисунки, чертежи, графические конструкции т. п.). Экранная культура кино, телевидения, компьютера стирает различия между текстом и конфигуративными фигурами, а, вернее она интегрирует их в единое пространство социального языка. В нем производятся все новые и новые продукты виртуальной реальности, в которых как в объектах для нас «создаются человеческие миры» (Н. Гудмен). Мы можем видеть на небе радугу, художник способен ее нарисовать, и мы можем конструировать всевозможные цвето-пространственные фигуры компьютерной графикой. Но везде в фигуративных образах присутствуют смыслы, отсылающие наш интеллект в глубинные измерения реальности.

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. [Текст] / К. Бюлер М., 2000.

2. Брентано Ф. Психология с эмпирической точки зрения [Текст] / Ф. Брентано // Ф. Брентано Избранные работы. М., 1996.

3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Текст] / Э. Гуссерль. Т. 1. М., 1999.

4. Веккер Л. М. Мышление и интеллект [Текст] / Л. М. Веккер // Л. М. Веккер. Психические процессы. В 3-х т. Т. 2. Л., 1976.

А. Г. Маслеев
Екатеринбург

ДЕФИЦИТ ДИАЛЕКТИКИ

Проблема социальной реальности как результата целенаправленной деятельности человека во многом опирается на способность человека выстроить объективную картину мира. Наши возможности проникновения в эту реальность всегда имеют определенные пределы, а образ окружающего мира несет в себе черты некоторого огрубления и даже сознательного игнорирования тех черт и тенденций в социуме, которые представляются нам несущественными, вторичными, не имеющими ценности для познания социального целого. Однако если бы мы не могли, в том числе и благодаря диалектике мышления, выходить за пределы данных ограничений, пришлось бы признать абсолютную непознаваемость, стихийность и неподконтрольность социальных процессов. Диалектика, которая предполагает стремление познающего субъекта увидеть мир во всеобщей взаимосвязи и многообразии, позволяет нам в известной степени минимизировать отрицательные черты указанного процесса.

Известно, что именно беспощадность, с которой гегелевская диалектика выявляла и делала очевидными противоречия, присущие окружающему миру, привлекла к себе внимание К. Маркса. Именно диалектический метод был взят им на вооружение при анализе механизмов формирования прибавочной стоимости и тех антагонизмов, которые вызревали внутри буржуазного строя. И именно изучению того, как проявляется диалектика в общественном развитии, повезло в советское время менее всего. Основной акцент в позднесоветский пе-